

№ 143 Ведмица

Для духовных размышлений на предстоящую неделю

Паралитик

Во всех православных храмах в это воскресенье за Божественной литургией читается Евангельский отрывок, повествующий о том, как Иисус исцелил одного паралитика.

В Иерусалиме был крытый бассейн, обладавший целебными свойствами. Там было пять притворов, глубоко врытых в землю, а к ним вели ступени в несколько этажей. Туда свозили безнадежно больных. Это был своего рода «Хоспис» для умирающих. Здесь всюду лежали стонущие, смердящие, скороченные больные. Иногда вода в этом бассейне как будто вскипала, и больные, расталкивая друг друга, пытались первыми войти в купальню, в надежде получить исцеление.

И вот Иисус приходит в это царство скорби и ужаса, оглядывается вокруг, и внимание Его привлекает старый, седой паралитик, лежащий без движения. Господь подходит к нему и спрашивает: «Долго ты лежишь тут?» И тот отвечает: «Тридцать восемь лет, всю жизнь». Всю жизнь лежать в этом смраде и стонах... Наверное, какие-то добродетели приносили ему поест, кто-то переворачивал его, ведь он лежал как труп. И вот он слышит голос говорящего с ним Христа Спасителя. Он не знал, кто это такой, кто его спрашивает, он отвечает, как во сне, как в забыты. И тот же голос вдруг ему говорит: «Вставай, собирай свою подстилку и иди домой». И он, как во сне, начал подниматься. В руки вновь вернулась жизнь, и ноги стали всё чувствовать. Человек поднялся, даже не понимая, что с ним происходит, и машинально стал собирать свою постель, перебрал плечо через плечо и пошёл на выход - к свету, к солнцу, к радостям вновь обретенной жизни.

А ведь, какой ужас, если вдуматься, так вот пролежать 38 лет парализованным. Причём, не в кругу семьи на домашней постели, окружённым заботами родных. Нет, просто выброшенным, как бы на свалку. Бóльшего кошмара и придумать трудно. И естественный вопрос возникает. За что? Почему такие страдания выпадают на долю людей, казалось бы, совершенно незаслуженно. И вот нынешнее евангельское чтение как раз отвечает нам на этот живо-трепещущий вопрос.

Мы не знаем подробностей прошлого этого мужчины. По всей видимости, он таки серьёзным грешником был, потому что позже Иисус ему скажет: «вот, ты выздоровел; не грехи больше, чтобы не случилось с тобою чего хуже». Но дело здесь совсем не в прошлом. Человек 38 лет лежал как бревно, и ещё лет десять, по идее, до самой смерти должен был здесь проваляться. Иисус исцеляет, а он даже «спасибо» не говорит Господу. Вдумайтесь в это обстоятельство.

А дальше что происходит?

Иудейские предписания строго воспрещали любую деятельность в день субботний. Не то, что носить подстилки или какой-либо иной груз, даже количество шагов, сделанных в субботу, регламентировано. Поэтому, следуя предписаниям, этот исцеленный должен был ещё сутки пробывать в смраде Овечьей купальни, а уж потом брать свою подстилку и идти восвояси. Христос сжалился над ним и говорит ему: бери сейчас свою постель и иди своей дорогой.

И он пошел. И попался фарисеям, которые начинают отчитывать его: как тебе не стыдно. Суббота на

дворе, а ты носишься с подстилкой. Как поступил бы на его месте нормальный человек? Простите, был дурак, больше не буду.

Но исцеленный не хочет на себя брать вину. Он говорит, что Тот, Кто исцелил его, Тот и сказал: «возьми подстилку и иди в дом свой». Т.е. бывший паралитик предаёт своего Спасителя, возвратившего ему жизнь. Душонка-то гнилая у него оказалась, гадкая.

А Христос ведь уговаривал его, встретив в храме: «вот, ты выздоровел; не грехи больше, чтобы не случилось с тобою чего ещё хуже».

Но он, негодяй, тут же пошёл и объявил иудеям, что исцеливший его есть Иисус. И как дальше пишет евангелист Иоанн: «И стали Иудеи преследовать Иисуса и искали убить Его за то, что Он делал такие дела в субботу» (Ин. 5, 16).

Какова дальнейшая судьба этого ничтожества была, Иоанн нам не повествует. Но ведь не зря Христос его предупредил: «не грехи, а то будет тебе ещё хуже, чем было». Так что, можно предположить, что этот тип снова заболел, снова разбил его паралич. Ну и плюс какие-то ещё дополнительные неприятности, какая разница какие. Важно здесь другое. Никакого смысла Иисусу исцелять этого человека не было. Только разве для того, чтобы показать нам с Вами, что выздоровление должно начинаться с души. Стань нормальным человеком сначала, и уж потом твоё здоровье на пользу пойдёт.

Оковы лести

О.Иоанн. «Мне запомнилась одна из старых юмористических миниатюр Хазанова. Фабула там такая: один наш русский мужик побывал за границей в какой-то из стран Западной Европы, и его больше всего удивило поведение тамошних граждан на пляжах. Его шокировало то, что приходят к морю и молодые, и старые, и малые, спокойно раздеваются, снимают нижнее бельё, надевают плавки и идут купаться. А к вечеру всё повторяется в обратном порядке - последний раз окунувшись в воду, любая иностранка может снять с себя купальник, не прячась в загородках и не кутаясь в покрывалах, одеться и уйти. И это у них происходит как-то естественно - никто на неё не пялит глаза, ни у кого челюсть не отваливается - всё как бы так и надо. И вот у нашего мужика засела мысль: а что ж это **мы** так не умеем. Какие-то поганые иностранцы, и у них всё запросто, а нам, русским, **слабо**? Обидно, ведь, за нацию, за державу. Ну и решил, в первую очередь, самому себе доказать, что русские не хуже каких-то финнов - стал себя морально настраивать - вот приду на пляж, встану и, не стыдясь, перед всеми переоденусь.

Момент настал, но ничего не получилось. Руки предательски отказались оголять зад. Мужик был крайне расстроен и на следующий день вновь пришёл на берег с намерением преодолеть этот комплекс. Но ничего не вышло и в этот, и последующие дни. Это его ещё больше раззадорило - очередной раз он собрал своих друзей для моральной поддержки. К друзьям присоединились сочувствующие зеваки.

И вот в самый ответственный момент, под мысленную барабанную дробь, наш патриот мёртвой хваткой уцепился в свои трусы и, собрав все свои человеческие силы, резким движением опустил руки так, что они зарылись в песок... Но при этом трусы оказались на месте.

Между прочим, эта юмористическая миниатюра иллюстрирует очень важный психологический момент нашей зависимости от общественного мнения, которое может одобрять или осуждать тот или иной поступок индивида. Вот это коллективное «одобрям» или «осуждаем» часто связывает нас по рукам и ногам, парализует любое наше самостоятельное движение. Иногда это хорошо. В частности, на примере этой байки, когда мужик так и не смог оголить свои гениталии перед отдыхающими. Хорошо, даже не в смысле того, что финны, в отличие от нас - падшие грешники, потому что парятся в общих банях - мужчины вместе с женщинами. Это, как раз, вопрос спорный. Потому что иностранец, пребывая в бане с молодой девушкой, может думать на любую постороннюю тему, а вот наш в этой ситуации будет думать только одно. И эти его мысли будут видны не только по выражению лица.

Скорее всего, здесь преимущество нашей культуры заключено в области эстетики. Ну, одно дело,

когда мальчик обнажён или молодой юноша, это еще куда ни шло. Ну а когда великовозрастный мужчина голый, это действительно – срам. Это, в первую очередь, не эстетично. То же самое относится и к престарелой бабушке. Поэтому, я считаю, что прикрывание наготы – это элемент культуры, которым мы, славяне, обладаем, и это нам в плюс, а у каких-то народов он отсутствует».

В нашей среде этот культурный элемент общепринят. Он у нас сидит и в сознании, и подсознании, и чувствах, и эмоциях. И когда кто-то из нас пытается пренебречь этим этическим элементом, то испытывает давление громадного общественного прессы. На самом деле – мы ведь с Вами вовсе не свободны, мы связаны по рукам и ногам страхом – а что о нас подумают люди, если мы так-то и так-то поступим? И, наоборот, наше желание быть одобренными окружающими цепляет нас и трактором тянет к исполнению того или иного общественного стереотипа. Иногда это хорошо, т.к., является тормозом, ограничивающим проявление порочного, греховного начала индивидуальности, подстёгивает каждого хотя бы к минимальной респектабельности, как это случилось с героем хазановской юморески.

Но общественные оковы ограничивают не только зло, отрицательные поступки человека, но и положительное его движение вперед и ввысь.

О. Иоанн: «Я помню себя в советские времена, как трудно мне было перекреститься перед едой в общественной столовой. Такое ощущение, будто к правой руке привязали гирю, килограмм пятьдесят. Я, конечно, справлялся с этой тяжестью в силу особого родительского воспитания. Но многие мои сверстники – дети верующих родителей – не крестились в общественных местах, даже священники некоторые не справлялись с этой тяжестью. Я никогда не осуждаю, для некоторых это было просто непосильной задачей. Да что говорить о тех временах, даже сейчас помолиться перед едой в том же ресторане – какие-то усилия нужны, хотя атеизм уже давно утратил в обществе свое господствующее положение. Ну а раньше, перекреститься, когда на тебя смотрят десятки насмешливых безбожных глаз, было примерно таким же подвигом, как и хазановскому герою оголиться в общественном месте».

Но, ведь, с другой стороны, Сам Христос сказал: «кто постыдится Меня и Моих слов в роде сем прелюбодивном и грешном, того постыдится и Сын Человеческий, когда придет в славе Отца Своего со святыми Ангелами» (Мк. 8, 38).

Таким образом, общественное презрение, глумление, насмешки – это горькая микстура, которую иногда необходимо проглатывать, если ты хочешь быть человеком здоровым. А одобрение, признание, похвалы – это вкусные конфеты, которые, однако, могут испортить твои зубы и желудок.

О. Иоанн: «Конфеты – это удовольствие, в котором лично я толк знаю. Самые ранние годы своего детства я провёл в полном конфетном кайфе. Дело в том, что до семилетнего возраста я пребывал абсолютно на всех Богослужениях Свято-Духовского собора каждый день. По простой причине – моя мама пела в церковном хоре без выходных и отпусков, ну и, с одной стороны, меня девать было некуда, а с другой – родителям очень хотелось, чтобы я вырос человеком церковным, а маслом, как говорится, кашу не испортишь. Поскольку, мама была у меня строгой, то в храме я вёл себя идеально – не шумел, не вертелся, стоял, как на подсвечнике, лицом к иконостасу, в овремя крестился. Короче, все сборные бабушки умилялись и закармливали меня конфетами, кои я любил, и которые у меня не переводились. А однажды, помню, накануне родительской поминальной субботы был такой случай – моя мама должным образом готовилась поминать почившую нашу родню – напекла огромное количество пирогов и купила большую торбу любимых мною конфет «Каракум». Обнаружив местонахождение лакомства, я решил принять самое активное участие в поминовении усопших. Ну и в течение дня, со словами «упокой, Господи, души усопших рабов Твоих», съедал конфету за конфетой. Короче, ко времени вселенской панихиды следующего дня тот поминальный мешочек оказался пустым. Обнаружив сие, мама была в обмороке, даже не оттого, что конфуз намечался, а из опасения за моё здоровье. Причём, опасения были вполне оправданы. В раннем детстве я расплавивался зубной болью в эквивалентном количестве съеденных конфет. В отрочестве моя любовь к тортам, пирожным и прочим сладостям была компенсирована жутким кожным забо-

леванием. Ну а последующее сластолюбие уравновешивается современным диабетом».

Не знаю, отчего мне придется помирять, но совсем не исклѳчен образ недавней кончины мамы одной из наших матушек. Многие из Вас знают, о ком я говорю. Сравнительно молодая женщина-диабетик изголодалась по конфетам, ну и съела целую коробку. Вот и всё – Царство Небесное, вечной покой».

На прошлых наших рассуждениях мы уже подчеркивали с Вами, что любое удовольствие действует на человека подобно наркотику – делает его зависимым в большей или меньшей степени. Ну, понятно – разные удовольствия, значит, и разная степень зависимости. Героин – это серьезный, глубокий кайф, а табачная сигарета, это так, мелочь. Соответственно, и мучительность абстиненции разная. Курца с хорошим стажем лишить табака – это страдания его тяжкие, хотя и ерунда в сравнении с ломкой морфиниста, не получившего очередную дозу.

Ощущение **власти** – это очень сильный наркотик. Ради власти некоторые люди готовы жертвовать всем и всеми. **Похвалы людские, слава** – это тоже, как мы говорили с Вами, наркотик. Конечно, все люди разные – кто-то больше предрасположен к тщеславию, кто-то меньше, но подсажены на этот моральный наркотик, как мы подчеркивали в прошлый раз, практически мы все. Дело даже не в том, что по жизни нас много превозносят – кого-то и, наоборот, совсем мало и редко хвалят. Но, в абсолютном большинстве почти у каждого из нас **стаж** похвал громадный – с пелѳнок. Вот лежит младенец, а вокруг него любящие родители; дедушки и бабушки – нарадоваться не могут: какой молодец, Вовочка, золотой мальчик, как хорошо полагал! Это, между прочим, уже первая доза наркотика.

Проходит время и его уже хвалят за то, что он похвтал. А дальше – молодец, что на уроке хорошо отвечал – оценку отличную получил, первое место на конкурсе занял и так далее, и тому подобное.

Большинство педагогов ошибочно считают, что похвала – это хороший стимул в воспитании и образовании ребенка. На самом деле, это очень вредное и опасное заблуждение. Хвалить и восхищаться действительно надо, но хвалить не ребенка, а дело, с которым он справился. Предположим, дитѳ собирает самолетик из деталей конструктора, и у него действительно неплохо получилось. Как мы должны вести себя в этом случае?

Ну, конечно, хуже всего – не обратить на это никакого внимания. Но если мы хотим поощрить чадо – как это сделать? – «Какой молодец – мастер, руки у тебя золотые!» Ответ неправильный. Ни в коем случае таких слов при ребенке произносить нельзя. А что можно и нужно сказать? «Какой красивый самолет у тебя получился! Здорово как!» Вот это будет верным. Хвалить надо не человека, а дело, которое он творит, если оно, конечно, достойно похвалы.

Почему так? Да потому, что если удастся научить человека радоваться делу, которое он вершит, он будет по-настоящему успешен в труде и счастлив в деле. А если ему само по себе дело не важно, и он просто ждѳ похвал или иной формы вознаграждения за свою работу, классным мастером он не станет никогда.

Ну и еще раз повторимся в констатации того факта, что похвалозависимые люди – это в той или иной степени лишѳнные свободы рабы, скованные цепями по рукам и ногам общественным мнением и совершенно неспособные на самостоятельные шаги. Даже если очень захотят – руки увязнут в песке, а плавки останутся на месте. Они не могут совершить то действие, которое будет не одобрено окружающими. И, наоборот – землю будут грызть, если за это похвалят. Это ущербно даже по нашим усреднѳнным общепринятым представлениям.

Не говоря уже о высокой духовности. Вот святые подвижники – как они реагировали на похвалы? Такие светилѳ аскезы, как Антоний Великий, Макарий Египетский при первой похвальной в их адрес фразе немедленно прекращали разговор, разворачивались и уходили подальше от льстеца. Причѳм, иногда бегом мчались они прочь, закрывая уши и демонстрируя тем самым пагубность лести. А иногда реакция наблюдалась с нашей точки зрения совершенно неадекватная – какой-то юродивый и по зубам мог заехать. Для того, чтобы запомнили люди на многие годы и поколения, вспоминали бы и задумывались об этой архиважной духовной проблеме душевных оков. Собственно об этом и нам с Вами стоит чаще размышлять.

Предыдущие №№ «Седмицы» на сайте: <http://pravoslav.tv>
Листочек передайте, кому сочтѳте нужным!